

Письмо историка писателю
*(Отношение к историческому факту: Дьяконов – прототип
«Человека в футляре» А. П. Чехова)*

Алпатов М.

Статьей доктора исторических наук М. А. Алпатова «Письмо историка писателю» редакция начинает разговор об осмыслении современной эпохи советской литературой. Смежные гуманитарные науки — история, философия, социология — подводят итоги развития советского общества, анализируют процессы, происходящие в нем. Одновременно ученых остро интересует своеобразие отражения действительности в художественной литературе — литературе социалистического реализма, ее успехи и достижения на пути создания «типов эпохи», начиная с героев Октября и кончая героями наших дней. В этом смысле статья М. А. Алпатова, ставящая ряд вопросов перед писателями, будет прочитана с пользой как молодым литератором, так и молодым читателем, которого волнуют проблемы советской литературы. В ближайших номерах редакция намерена опубликовать развернутые ответы видных наших писателей на «Письмо» М. А. Алпатова.

Передо мною подшивки донской газеты «Приазовский край» за 1903 год. В одном из февральских номеров читаю: «На днях схоронили инспектора Таганрогской мужской гимназии Александра Федоровича Дьяконова». Та самая гимназия, где учился А. П. Чехов, и тот самый инспектор! Да, да, прототип «человека в футляре». Чехову было о чем писать. Александр Федорович — зануда и скупердяй. О нем говорил весь город. Достаточно было гимназисту поклониться начальству или на слишком близком, или на слишком дальнем расстоянии, инспектор сажал его под арест. Достаточно было Александру Федоровичу встретить гимназиста на улице после захода солнца, как на другой день смущенный гимназист уже стоял перед инспектором.

- Вчера вы шли по Петровской улице с видом искателя приключений, что, безусловно, безнравственно. Извольте сесть в карцер и выучить наизусть все гимназические правила!

Он не разрешал гимназистам ходить в Публичную библиотеку, потому что она имела безнравственное название. Он был членом клуба, но каждому, кто баллотировался в новые члены, бросал черный шар.

- Зачем им клуб? В читальнях пусто, а в клубах полно!

Он состоял гласным думы, но вся его деятельность выражалась лишь в одном — Дьяконов следил, чтобы его коллеги курили в курительной комнате, но отнюдь не в ретиреде. Человек владел сотней тысяч рублей и двумя большими домами, а сам обедал не каждый день, его сюртук, пальто и фуражка не менялись 20 лет; в его комнате были стол, два стула, кровать, и больше ничего. Он никого не принимал — если к нему раздавался звонок, Александр Федорович выглядывал в дверь и сердито бросал: - Завтра в гимназии! — и дверь снова захлопывалась. Таким был инспектор Дьяконов. Сам просился в литературу. Но когда он умер, то оказалось, что все свои сто тысяч он завещал народному учительству, а оба дома — под городское училище. По словам нотариуса, у которого хранилось завещание, Александр Федорович говорил: - Ну зачем деньги были нужны мне, одинокому человеку? Я мог прожить без них. Я думал о бедном учителе. Сплошь и рядом большая семья, жена и за хозяйку,

и за кухарку, и за горничную, и за нянюку, да еще, поди, больная. Вот кому нужны-то деньги. Все учительство вышло провожать Александра Федоровича в последний путь, вся таганрогская интеллигенция была на похоронах, чтобы снять шляпу перед этим человеком...

Таков факт, взятый из исторического источника. А какое отношение к этому факту со стороны писателя и со стороны историка? Еще никто не путал писателя и историка, можно нагромоздить целую гору отличий одного от другого, сейчас для меня важно только одно: их разное отношение к подлинной исторической действительности. Сквозь бесконечное разнообразие явлений стремится проникнуть писатель в тайное тайных человеческой души, отобразить жизнь в ее глубинных течениях. Подлинная действительность для него лишь средство к этой заветной цели.

Он довольствуется правдоподобием — с него больше не спросят. Время и место действия? Он может перенести действие в другое время и в другое место — и с него как с гуся вода. Подлинные люди? Они тоже средство — писатель «лепит образ»: губы Никанора Ивановича он может приставить к носу Ивана Кузьмича, он может взять сколько-нибудь развязности, какая есть в Балтазаре Балтазаровиче, а еще, если захочет, он вправе прибавить ко всему этому дородности Ивана Павловича. Уж Гоголь-то знал писательскую кухню!

Чехов отрубил пол-Дьяконова, а из обрубка сделал одного из персонажей мировой литературы. У него на это было не только право, но и все основания. Была ли у живого

Дьяконова какая-либо иная ипостась — это не имеет никакого значения ни для автора, ни для читателя. Тем более что гимназист Антоша Чехов видел только ту сторону инспектора, которая была к нему обращена, и гениально ею распорядился. О подлинном А. Ф. Дьяконове люди узнали только после его смерти, когда уже сам Чехов стоял на краю могилы. И я, как читатель, говорю вместе со всеми: «Спасибо, Антон Павлович, за вашего

Беликова». В другом положении историк. Правда, я тоже вооружен всей современной арматурой глубинного анализа, но я — писатель наоборот. Для меня проникновение в глубину души той или другой исторической личности лишь средство для правдивого истолкования самой действительности. Задача истории как науки в том и состоит, чтобы познавать исторический процесс во всей его подлинности и многообразии. Я обязан говорить не только о строго проверенных фактах, но и сказать, где я их взял. Я не могу перенести историческое действие в другое время и на другое место — я на приколе у времени и пространства. С меня взыщут. Когда я читаю труд советского писателя, который лепит свой синтетический образ из нужных ему черт сержанта Иванова, старшины Петрова и рядового Сидорова, скажу по совести, мне не очень нравится, что писатель разделяется с этими ребятами как повар с картошкой. Я, грешным делом, подумываю: «Поменьше крошева! Побольше монолитов, писатель!» Уж такова профессиональная привычка. Но вслух я этого не скажу. Не суйся со своим уставом в чужой монастырь.

У каждой профессии свой закон, свои пророки. Все понимают разницу между историком и писателем. Должен и я понимать.

Но непокорная мысль не уходит. В голове ворочается: «А велика ли разница сия? Она, разница, тоже разная бывает!» Начинаю присматриваться к писателю и вижу — он, сердешный, тоже на привязи у истории сидит. Разница только в том, что мой поводок, которым я привязан к музе Клио, совсем короток, а у писателя он подлиннее, но все равно произволу писателя поставлен неумолимый ограничитель. Сколько ни бегай, а от истории не убежишь. Творит писатель, скажем, роман из русской жизни времен первой мировой войны; сколько бы он ни писал: «в некотором царстве, в некотором государстве», но весь фон его произведения должен быть настоящей исторической правдой, это должна быть всамделишная Россия того времени. И царем должен быть Николай II, и никто другой. Писатель может заставить его говорить любую глупость — это будет строго в образе, но заменить его Николаем I или Николаем III он не может. Создает писатель роман из времен Октябрьской революции. Теперь история уже убрала Николая II и подсунула писателю Керенского. В историческую октябрьскую ночь он бежал из Питера, бежал не на чем-нибудь, а на американской машине, и не куда-нибудь, а на фронт, и не к кому-нибудь, а к генералу Краснову. И когда Керенский

побежит дальше, его бег начнется не откуда-нибудь, а из Гатчины, а город этот будет в руках не кого-нибудь, а матросов Дыбенко. Воля писателя говорить или не говорить об этом, но знать это он обязан. Считаться с этим он тоже обязан, ибо так распорядилась история. И выходит, что против истории даже писатель не поперет! Наше подобие идет дальше. Советский историк и советский писатель — люди одного мировоззрения, у нас общая историческая концепция. И если к явлениям жизни у нас разный профессиональный подход, то в оценке исторического процесса в целом наши углы зрения совпадают. И советский историк и советский писатель одинаково решают генеральную проблему беспокойного XX века: куда история путь держит? С высоты второй половины нашего столетия хорошо видна длинная череда веков, прошедших по трудной дороге мировой истории, видна дорога всех народов и стран, видна дорога и нашей страны — изрядной части целой планеты. Товарищ писатель, в мировом лагере социализма наша страна — страна № 1. Мы с тобой знаем, как это произошло. По ухабам истории народы идут не ровной шеренгой, а растянувшейся вереницей. Народы, шедшие позади, могут прибавить шагу, вырваться вперед и даже пойти во главе растянувшейся цепочки. Планета уже перестала удивляться, что мы за 50 лет обогнали ветерана мировой цивилизации — Западную Европу. В этом стайерском беге, за которым следит весь мир, впереди нас по общему объему производства только Соединенные Штаты — лидер современного капитализма. Ты знаешь, писатель, какой ценой нам далось это. Когда партия большевиков взяла власть, разве легко было выбрать дорогу? По дороге этой еще не ходил никто — ни одна партия, ни один народ. Кое-кто предлагал взять левее, кое-кто — правее. Большевики не свернули на проселки, они двинулись столбовой дорогой истории. Теперь, когда минуло полвека, я, рядовой гражданин Советского Союза, спрашиваю себя: «В какую эпоху я живу, современником чего я являюсь?» Я отчетливо вижу, как непомерно трудна была наша дорога! Но не менее отчетливо я вижу и другое. За 50 лет — временное расстояние, обозримое глазами одного поколения, — моя страна из отсталой превратилась в могучую державу, идущую в авангарде мировой цивилизации. Какой народ, какая партия в исторически ничтожный срок одолевали такое расстояние; какой народ, какая партия выдерживали такую нагрузку истории?! Старый мир нас дважды хотел стереть с карты планеты. Только великий народ и великая партия могли пройти победителями сквозь такие исторические бури! Этот трудный, но и героический опыт нужен нам обоим, товарищ писатель. Когда поглядываешь назад — лучше и дальше видно вперед. Нас связывает не только история, но и ее творец — человек. Изображение человека не есть монополия писателя, это обязанность историка тоже. Чувствую, как ты, товарищ писатель, снисходительно хлопаешь меня по плечу, слышу твой голос, который начинает втолковывать мне хрестоматийные истины, что обобщенный образ, создаваемый писателем, типичнее, глубже, он лучше передает эпоху и т. д. и т. п. Все это верно, но верно и другое — мой настоящий человек тоже не малого стоит.

Взять хотя бы того же «человека в футляре». Могуч образ чеховского Беликова. У кого повернется язык отрицать это? Ну, а сам А. Ф. Дьяконов? Об этом тоже стоит подумать.

Дьяконов полон острейших противоречий. В нем сидит не только то, что есть у Беликова. Он одинокий, несчастный человек, он не только мучил ближнего своего, но, оказываясь, он его по-настоящему любил, он отдал ему все, что имел. И для меня он уже не сухарь, у которого даже мысли скрипят, а трагическая фигура. Трудно сказать, кто из них сложнее и нужнее в литературе — образ или прообраз? Другое дело, что для убедительного решения этого вопроса потребовался бы Чехов в истории — дело ведь не только в образе или прообразе, но и в изобразителе. Но разве речь идет сейчас об этом? Дьяконов притом вовсе не был участником борьбы за русскую революцию в начале нашего века, среди которых Горький нашел своего Петра Заломова. Ну, а что сказать о советской эпохе? Если говорить о положительном герое, то дистанция между образом и прообразом в наше время сильно сократилась. Сама жизнь порождает людей, которых «ни в каком романе не выдумаешь». Много ли пришлось Б. Полевому добавлять к А. П. Маресьеву, чтобы получить своего настоящего человека? Или — что такое «Морская душа» Л. Соболева, как не антология самой действительности? У этих писателей не было нужды выдумывать своих героев. Жизнь сама предло-

жила им щедрый выбор героев не только в переносном, но и в прямом смысле. Попутно сказать — от этого задача писателя вовсе не упростилась: быть союзником действительности совсем не значит быть дармоедом у действительности.

Потому-то мне и хочется сказать тебе, товарищ писатель: «Поменьше крошева, побольше монолитов!» Потому-то и мне, историку, не хочется остаться в долгу перед настоящим человеком на настоящей земле. Не об образе речь — образ по твоей части, писатель, лепи свои образы на здоровье, — речь идет о конкретно-историческом человеке, в данном случае о советском человеке.

Мы, историки, разрабатываем нашу великую концепцию всемирной истории, мы разрабатываем концепцию отечественной истории. Мы сломали буржуазные исторические схемы Ключевских, Лаппо-Данилевских и Ковалевских. Старая наука видела много пустяков, но главное в истории приняла за пустяк — она проглядела рабочего и мужика, проглядела самую крупную в истории революцию, которую она почла за случайность. Жизнь пошла мимо такой науки, мы же шагаем в ногу с жизнью. Но нам предстоит еще многое сделать. Особенно мы в долгу перед советским человеком.

Когда мы пишем биографию конкретного человека, у нас это вполне получается — о Маресьеве писали и историки, и не плохо, но когда мы начинаем изображать поток истории в целом, мы за производительными силами, производственными отношениями частенько теряем этого конкретного человека.

Что касается человека, то мне, по правде сказать, всегда было обидно. Античные историки — не писатели, не драматурги, не поэты, а именно историки, вспомним Плутарха или Тацита, — оставили нам четкое представление о своем современнике в потоке исторических событий. Это был гордый гражданин, который определял свое отношение к действительности, совершал подвиги, радовался и страдал. Не зря же гуманисты обратились к античности, не зря же классическая французская буржуазная революция оглядывалась туда же. И Маркс, и Энгельс, и Ленин высоко ставили античную культуру. Но наше время куда величественнее античности! Наш человек за каких-нибудь полвека прошел через четыре войны и три революции. Ни человек древности, ни человек средневековья, ни человек нового времени не проходил через такое пекло истории. Такое случилось впервые за все существование человечества. И это сделал наш современник. Даже те, кто начинал этот путь, еще ходят вместе с нами по земле. Кому, как не нам, современникам, писать об этих людях. Мы лучше, чем античные историки и писатели, умеем проникать в глубину веков, лучше, чем они, умеем объяснять ход истории, поведение классов и деяния человека, почему же мы в суматохе истории то забываем о таком человеке, то принимаемся лишь считать, сколько раз он споткнулся на ухабах истории, а то и просто начинаем писать о нем одни пакости? Он не святой — да он и не потерпит, чтобы из него сделали святого, — но разве человеческие слабости являются главным у этого исполина?

И выходит, что в своей профессии мы с тобой близкие соседи, писатель. У истории и литературы соседство давнишнее, привычное. В былые времена они составляли единое хозяйство и только потом разделились на отдельные двory. Но двory наши и по сей день стоят рядом. Приходится диву даваться, что мы, такие близкие соседи, видим друг друга только через плетень, не ходим друг к другу в гости, а у соседей всегда есть о чем поговорить.

Тема наша уже определилась. Тема это коренная — о месте советского Отечества и советского человека в нашей с тобой современности, товарищ писатель. У этой темы много аспектов, и все они важные, но есть один аспект, который занял место первоприсутствующего в борьбе современных гигантов нашей планеты, — мира капитализма и мира социализма.

Кстати сказать, проблема «Россия и Запад» в старое время играла огромную роль в идеологии русской интеллигенции. Ставя свои извечные вопросы «Что делать?» или «Кто виноват?», наша интеллигенция решала их в зависимости от того, как то или иное общественное течение, к которому принадлежал вопрошающий, относилось к вечно острой у нас проблеме России и Запада. Мы с тобой стоим на плечах угасших поколений, но вечно живым останется их исторический опыт, к нему нам и нужно обратиться. Делаю я это пото-

му, что проблема эта есть и в твоём сложном хозяйстве и занимает она на твоём дворе не последний угол.

Как решалась эта проблема до В. И. Ленина? Ответить на этот вопрос нельзя, не заглянув в XIX столетие. По сравнению с передовыми западными странами Россия была отсталой, поэтому перед русскими историками той поры неизбежно вставал вопрос: что же следует нам взять из исторического опыта Западной Европы? Годится ли нам этот опыт? За первым вопросом вставал второй: а что главное в этом опыте? Главной идеей, вокруг которой и тогда устроилась всякая концепция, была неотделимая от истории Запада революция. Дворянские Геродоты (Карамзин, Погодин и иже с ними) решительно забраковали исторический опыт Запада. Они старались не только остановить западную революцию у границ России, но и не пустить ее и в русскую историю. Они тревожно всматривались, пойдет ли Россия стезею, проложенною Западом, — стезею революций или она, дай бог, свернет со столбового шляха истории на проселок, чтобы сохранить власть помещику. Пусть Запад трясется себе по ухабистому большаку революций, русской тройке, слава богу, и на проселке не худо. Часть историков-либералов (славянофилы, Кавелин, Соловьев, Чичерин) ухватилась за теорию двух исторических закономерностей: одна закономерность для Запада, другая — для России. Там, на Западе, развитие идет путем переворотов, потому что история современного Запада начиналась с германского завоевания Римской империи. У нас, в России, все начиналось с мирного, добровольного и всенародного призвания князей, а посему у нас нет почвы для социальных конфликтов. Другая часть либералов (Полевой, Грановский, Кареев, Ковалевский, Лучицкий, Виноградов) была убеждена, что исторический путь Западной Европы — это тот путь, который предстояло пройти России. Они доказывали неизбежность русского капитализма. Но неотъемлемой частью проблемы капитализма был вопрос о буржуазной революции в России. В опыте Запада XVIII—XIX веков русские буржуазные историки различали два пути — «французский» и «немецкий». В первом случае революция проходит при массовом участии народа, который накладывает свой отпечаток на результаты революции. Во втором случае имущим классам удается подавить народ. Они стояли за «немецкий» путь.

Русская революционная мысль (Радищев, декабристы, революционеры-демократы и революционное народничество) в историческом опыте Запада мучительно искала опыт революции, как он ей представлялся. Прошу прощения, товарищ писатель, за эту «профессорскую лекцию». Ничего не попишешь — профессия! — да и дело того требует. Проблема революции на Западе — именно она была той генеральной темой, над которой билась историческая мысль России XIX века. И о чем, как не о революции, думал В. И. Ленин, выступивший на рубеже XIX и XX столетий, и из чего, как не из исторического опыта, исходил он, думая о будущем?

Марксизм, помноженный на гений Ленина, помог понять сложный язык истории. Если XVI век был веком «нидерландским», если XVII век был «английским», если XVIII и

XIX века были «французскими», то век XX стал «русским» веком, ибо эпицентр мировых революционных взрывов переместился в Россию, зная всемирно-исторического прогресса перешло к русской революции. Россия и Запад в этом плане поменялись местами. С XVII века до 1917 года имущие классы России опасались революции на Западе, теперь имущие классы Запада с тревогой поглядывали в сторону России. Еще в середине 90-х годов Ленин уверенно предсказывал: «Русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической

борьбы к победоносной коммунистической революции», - хотя Россия вовсе не была тогда самой передовой страной.

Почему Ленин заговорил о русском пролетариате, хотя в России на очереди тогда была буржуазно – демократическая революция? Казалось, естественной была бы параллель с западными буржуазными революциями - именно так и поступали меньшевики. Но буржуазная революция в России была поздней революцией, когда за спиной буржуазии стоял пролетариат. И он оказывался по неизбежности флагманом этой революции, его союзником стано-

вилось крестьянство. Так еще не бывало ни в одной стране. Так новая эпоха по-иному ставляла акценты в революции в России. Чему же теперь, по мнению Ленина, надо было учиться у Запада? Ленин был против нигилизма Карамзина — Погодина, он был против нигилизма Кавелина и Чичерина, против нигилизма Герцена и народников. Одна из первых его работ — «Что такое «друзья» народа...» — написана против народников-либералов, требовавших не только кланяться русскому барину, но делать это обязательно, повернувшись задом к Западной Европе.

Но Ленин был и против буржуазного либерализма Кареевых, Ковалевских, Лучицких и Виноградовых, требовавших от России, чтобы она повторила путь Западной Европы, стала заправской страной капитализма. Это был кадетский взгляд на историю. Вспомним отповедь Ленина Виноградову. Перепуганный революцией 1905 года, один из крупнейших русских историков, П. Г. Виноградов, возводил отсталость России в абсолют и требовал идти на выучку к Западу; Виноградову, подчеркивал Ленин, «противна больше всего «гордыня» тех, кто «собирается обгонять западную буржуазию (г. профессор пишет слово буржуазия в иронических кавычках: нашли, дескать, нелепый термин в применении к европейской — европейской — культуре!)». Профессор требовал от России, чтобы она последовала за опытом Запада, но за каким? «Я не знаю, удастся ли еще России пройти к новому строю дорогою, близкой к тому пути, которым прошла Германия в 1848 году, но не сомневаюсь, что надо употребить все усилия, чтобы выйти на эту дорогу, а не на путь, избранный Францией в 1789 году». Виноградов предостерегал от французского, якобинского пути и звал двинуться по пути «немецкому», по пути разгрома революции. «Какое гнусное предательство революции под соусом якобы ученого и якобы объективного рассмотрения вопроса!» Эти ленинские слова не мешало бы помнить и в наши дни.

Недалеко от либералов ушли меньшевики. О русской революции они судили по аналогии с революциями на Западе, штаб революции отдавали буржуазии, а русским рабочим и русским мужикам предлагали устроиться на запятках кареты русского капитализма. Ленин отстаивал иное решение: мы являемся наследниками западных революций, но быть наследником вовсе не значит повторять зады западной истории; западный пролетариат дважды брался за оружие — в июне 1848 года и в дни Парижской коммуны — и оба раза был разбит; мы уберем с дороги все, на чем споткнулся пролетариат Запада, на его опыте мы расчистим дорогу русской революции.

Борьба с буржуазно-дворянскими историческими концепциями была неразрывно связана у Ленина с борьбой против как меньшевистских, так и эсеровских концепций истории. Ныне, когда ленинское понимание русской и всемирной истории прошло испытание на прочность в бурных десятилетиях XX века, особенно наглядно видишь, как прав был Ленин.

Любое десятилетие любого отшумевшего века имеет собственное, неповторимое лицо. Так было и в нашем XX веке. Не только мы, современники, но и потомки наши никогда не спутают, скажем, 20-е, 30-е, 40-е или 50-е годы. Но есть один рубеж, который пролег по всему нашему веку, разломил его надвое, сделал его вечно непохожим на все столетия, оставшиеся за спиной человечества. Этот рубеж имеет свое чеканное название — Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Зимний дворец был последней резиденцией последнего правительства капиталистической России. С 25 октября (7 ноября) 1917 года началась новая полоса всемирной истории. Эти «десять дней, которые потрясли мир», стали возможными потому, что на них работала целая эпоха на целой планете.

История имела все основания дать нам «льготу» — Россия, выдержав трудный экзамен, перешагнула через класс буржуазной демократии и вошла в дверь следующего, более высокого класса — советской демократии. Ведомость о переходе нашей страны в высший класс политической зрелости история подписала в одну ночь, а, как известно, история — самый строгий и самый справедливый судья и пересматривать свое решение не станет. На партию коммунистов, на советский народ история возложила исполнение своего приговора, и мы с тех пор несем обязанности исполнителей ее безоговорочного вердикта. Обязанности эти чертовски трудные. Останавливать революцию в России бросились не только юнкера и

белые армии, но и вся буржуазная (и социал-демократическая тоже) демократия. Против Смольного поднялся Таврический дворец, куда явился опоздавший ко двору «хозяин» земли русской—Учредительное собрание. С 25 октября 1917 года — с самого дня рождения Советской власти — в стране и за ее рубежами началось ее поношение — легионы ораторов, тысячи газет, все виды оружия идейной борьбы буржуазии и помещиков — все пошло в ход, чтобы доказать, что произошла случайная ошибка истории. За словами последовали А е h а — на помощь белой гвардии в Россию вторглись войска целых 14 «демократий» — цивилизованные джентльмены, привыкшие разбойничать в джунглях колоний, принялись учить нас демократическим порядкам. Так начиналась летопись новой, еще невиданной на земле советской цивилизации.

О чем же поведал опыт нашей истории в XX веке? Он поведал о том, что буржуазная демократия в России решительно не состоялась. История сказала людям: ход событий на вашей планете отныне будет определять социалистическая революция в России. За истекшие полвека мы убедились, что так оно и есть. Небывало сложен современный мир, необозрим ежедневный поток информации о событиях на планете. Мы захлебнулись бы в этом потоке, если бы не владели мастерством глубинного анализа, которому научил нас опыт истории. Сквозь сложнейшее многообразие явлений мы видим, как из глубин на поверхность современной жизни поднимаются два противоборствующих течения, борьба между ними помогает нам разобраться в главных приметах нашей современности. Мы знаем, как огромна эта борьба. Древние греки создали знаменитый миф о битве богов и гигантов. Это был предел человеческой фантазии в изображении масштабов борьбы. Борьба современных гигантов, двух миров нашей планеты — социализма и капитализма, — реальная и никогда не утихающая, идет на всех материках и океанах, она захватила космос. На стороне социализма бьются революционные силы континентов, силы капитализма тоже глобальны, и оба противника получают подкрепления во всех частях света. Тут уж трудно человеку остаться нейтральным, надо выбирать, на чьей ты стороне. Для интеллигенции это первостатейный вопрос. Времена бывают разные, но всегда злободневен горьковский вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» Вопрос этот будет жить, пока на нашей планете идет борьба двух миров, а борьба эта, по всему виду, будет и долгой и трудной.

И где бы ни был коммунист, советский человек, в каком бы положении ни находился, он всегда будет защищать созданный в великой борьбе, с великими жертвами и навечно занявший свое место в мировой истории советский государственный строй, советскую демократию. Об этом месте нашего государственного строя в истории недавно напомнил Л. И. Брежнев в выступлении на московском международном Совещании коммунистических и рабочих партий: «Разумеется, речь идет о развитии демократии социалистической, имеющей ясное классовое содержание, признанной служить делу социализма. «Чистая демократия», — подчеркивал Ленин, — есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной». Этот ленинский вывод полностью подтверждает жизнь, историческая практика».

Вопрос о государственной демократии органически связан с партийным вопросом о *социал-демократизме*. Нельзя путать проблему социал-демократизма на международной арене и в нашей стране. Ленин стоял за единство с теми левыми социал-демократами, которые были способны бороться за партию, за революцию, и был непреклонен в борьбе с правыми и центристами, предававшими революцию. Правильность ленинской тактики доказана всей практикой мирового рабочего и социалистического движения. Эта линия верна и в наши дни. Одним из примеров того является судьба германской социал-демократии. Одна часть германских социал-демократов пошла на союз с коммунистами, воплощением этого стала Социалистическая единая партия Германии — руководящая сила ГДР и Национального фронта. Руководство социал-демократической партии Западной Германии заняло проти-

воположную позицию — эта партия стала одной из правящих партий ФРГ, а в этой стране, как известно, реваншизм стал государственной политикой, неонацизм поднял голову, а само социал-демократическое руководство выступает как сила антикоммунистическая, антисоветская.

Борьба за единство левых сил и связанная с этим борьба с ревизионистским и всяким иным оппортунизмом — одна из главных задач коммунистов нашей планеты. В Основном документе, принятом международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 года, мы читаем: «Коммунисты, придавая решающее значение единству рабочего класса, высказываются за сотрудничество с социалистами и социал-демократами, чтобы установить передовой демократический строй сегодня и построить социалистическое общество в будущем. Они сделают все от них зависящее для осуществления такого сотрудничества.

Они выступают также за сотрудничество с другими демократическими партиями и организациями, заинтересованными в обновлении общества. Естественно, для продвижения вперед по этому пути необходимо, чтобы социалистические партии и другие политические организации, высказывающиеся за социализм, решительно порвали с политикой классового сотрудничества с буржуазией и проводили политику эффективной борьбы за мир, демократию и социализм».

Проблема социал-демократизма — острая современная проблема не только в капиталистических странах, но и в странах социализма, недавно вступивших на социалистический путь, особенно там, где сильны социал-демократические традиции. Решение этой проблемы предполагает как сотрудничество с социал-демократическими и всякими иными демократическими организациями в определенное время и по определенным вопросам, так и борьбу с их возможными попытками классового сотрудничества с врагами народного строя. Насколько остра и сложна эта проблема в тех социалистических странах, где социал-демократизм — реально существующий фактор, свидетельствует опыт Чехословакии. Там антисоциалистические, антисоветские силы, среди которых социал-демократы играли не последнюю роль, сделали попытку сломать рамки Национального фронта и, поддержанные контрреволюцией извне, противопоставили программе КПЧ свою собственную программу. К ним примкнули правооппортунистические ревизионистские силы в самой партии коммунистов. На общегосударственном совещании в Праге в конце июня этого года Первый секретарь ЦК КПЧ тов. Г. Гусак дал краткую, но весьма выразительную характеристику этой программе антисоциалистических, ревизионистских сил в Чехословакии. Государственный строй в своей стране они представляют себе «как мелкобуржуазный отвар социализма с плюралистическими, парламентскими или социал-демократическими примесями, с разложением коммунистической партии, ее позиции, с разрывом отношений с Советским Союзом и т. п...». На чехословацкой земле, говоря другими словами, идет ожесточенное политическое сражение между коммунизмом и антикоммунизмом, социалистической и буржуазной демократией, а в конечном счете между двумя общественными системами на нашей планете — социализмом и капитализмом. Сражение это далеко не закончилось, но правые обречены историей. Ленинскую тактику в сложных отношениях с социал-демократизмом, исторически сложившуюся и оправдавшую себя в современных условиях, пытается оболгать буржуазная пропаганда да «великий кормчий» маоистов.

А как обстоит дело у нас, в стране, где социализм уже победил? В России Ленин отстаивал ту же тактику — он пошел, например, на партийный блок с меньшевиками-партийцами (в годы реакции), меньшевиками-интернационалистами (в годы первой мировой войны), пошел на правительственный блок с левыми эсерами (в первые месяцы после Октября), но известно, сколь непримиримую борьбу он вел с партиями меньшевиков и эсеров. Исторически в России сложилось так, что страна пошла гораздо дальше, чем того хотели меньшевики и эсеры, эти партии не только отстали от событий в стране, но и пытались вместе с зарубежной и русской буржуазией и помещиками задушить русскую революцию. Жизнь пошла мимо обанкротившихся партий.

В Советском Союзе исторический спор между коммунизмом и социал-демократизмом решен давно и бесповоротно в пользу коммунизма. И буржуазная демократия и социал-демократизм у нас решительно не вышли. И история уже не вернется к пересмотру этого вопроса. Обе эти трудные проблемы, на решение которых партия советских коммунистов и весь народ положили гигантские усилия, теперь имеют в нашей стране лишь исторический интерес. Советская историческая наука — участник этой борьбы. Когда оглядываешься на полувековую путь советской исторической науки, видишь, каким сложным был наш путь. Мы достигли многого, но я, дорогой сосед, пишу тебе не потому, что хочу похвалиться: мы в стране не последние люди! Я хочу рассказать тебе, какие беды нам мешают двигаться дальше. В письме многого не скажешь, но можно вспомнить о самом главном. Мы, историки, как и вы, писатели, пережили трудные годы культа личности. Но вот началась реакция на эти сложные годы. Чудной мы народ, не знаем меры, шарахаемся из одной крайности в другую. Поднялся оглушительный трезвон, воздух стали рвать осипшие от натуги голоса. Некоторым хотелось дотянуться до веревок от больших колоколов; если рука не дотягивалась до веревки, хватались за любые подручные средства — колотили в любую железку, дули в трубы, в ход было пущено все, что могло греметь и трубить. О чем шум? Иные делатели шума считают, что в советской исторической науке они — левое крыло, они самые передовые, более передовых не бывает. Именно они-то видят лучше всех, что за этот период все у нас сдвинулось со своих мест, все у нас идет не так, все смотрит не туда, все стоит не там. Они настолько поглощены страстью «разоблачать» и «ликвидировать», что решили сделать из этого пожизненную профессию; в исступленном усердии они готовы вместе с ошибками перечеркнуть все, что сделали партия и народ за нашу полувековую историю, все, что сделала советская историческая наука.

Одним махом ими были отменены отдельные приговоры истории за последние 50 лет, началась амнистия тех, кто тащился в обозе истории. Шумливые историки уже не ищут классовой правды, они поглощены поисками универсальной, «сквозной» правды, которая простреливала бы всю историю человечества от коммунизма первобытного до коммунизма научного, на худой конец, от Понтия Пилата до наших дней. Не рановато ли искать в общечеловеческом ведущее начало истории? В наш век, когда идет гигантская борьба двух миров, общечеловеческое, к сожалению, еще не является демиургом нашей действительности. Тут уж приходится выбирать, «за кем идти, в каком сражаться стане».

У нас тема — борьба двух противоположных идей, не будем переходить ее границы. История начисто забраковала для нашей страны буржуазную демократию и социал-демократизм.

Но мы очень хорошо отличаем буржуазную демократию от буржуазной диктатуры. Мы не забыли, что в Великую Отечественную войну нам пришлось рядом с западными демократиями сокрушать Гитлера. Для коммунистов капиталистических стран далеко не безразличен вопрос; с чего им придется начинать свой путь к социализму — с буржуазной демократии или с буржуазной диктатуры? Лучше, если с демократии. Но мы не забываем и другое: от буржуазных демократий нам пришлось отбиваться железкой в годы гражданской войны и иностранной интервенции; буржуазные демократии — заправские интервенты в колониях; из веймарской демократии вышел Гитлер, а демократии западные толкали его против нас. Теперь в Западной Германии, говорят, снова водворилась демократия — как же иначе, если участниками власти стали сами социал-демократы?

Но почему там зеленая улица неонацизму? На весь мир рекламируется американское «великое общество». Но почему оно фактически ведет гражданскую войну против собственного народа и заливают кровью Вьетнам? Когда-то жандармом Европы была феодальная Россия, ныне же жандарм — да не только Европы, а всего мира — на другом конце планеты, а искать его надо среди буржуазных демократий. О роли Советского Союза на международной арене ярко свидетельствует Великая Отечественная война. Главное в этом великом событии состоит в том, что мы не только выстояли под ударом чудовищной военной машины Гитлера, на которую работала индустрия почти всей Европы, но мы разгромили ее. Главное состо-

ит в том, что партия и наш народ прошли через такой ад войны, которого не выдержал весь Европейский континент. Главное состоит в том, что без Советского Союза хозяином Европы, и не только Европы, стал бы фашизм, и, может быть, надолго. Мы не забыли и о том, что были допущены просчеты, совершены ошибки, которые стоили нам очень дорого, они увеличили наши жертвы, усугубили трудности. Мы не можем допустить, чтобы нечто подобное могло повториться когда-либо. Исторический опыт нам не позволяет этого. Но разве эти просчеты составляют ведущую черту Великой Отечественной войны? Разве из них сложилась наша победа? Почему же некоторым нашим шумливым историкам нет до этого дела? Почему же они занимаются только тем, что громоздят наши ошибки в кучу, злорадно ею любуются и говорят: «Во какая куча! Видишь? Ну, то-то ж!»

Известно, что взгляды людей определяются их гражданской позицией. Историки, о которых идет речь, определяют свою позицию как левую, где сошлись концы и начала самых прогрессивных взглядов на современность и историю. Нетрудно видеть, что угол зрения у этих историков действительно сместился в сторону. В какую? В левую? Ой, нет — их позиция настоящая правая, ревизионистская позиция. Кто тянет нас в сторону буржуазной демократии, тот тянет нас назад. Назад же можно только оглядываться, а идти надо вперед.

Диву даешься — некоторые историки и некоторые писатели забыли исторический опыт, покинули стратегические рубежи в борьбе двух миров... Ах, да! Чуть не забыл! По их словам, именно они-то и помнят об историческом опыте, именно они-то и пекутся о советской демократии... В. И. Ленин советовал при оценке явлений спрашивать себя: «А кому это выгодно?» Такой вопрос — иное выражение нашей заповеди проверять теорию практикой. И тогда хорошо видно, что разглагольствования чехословацких ревизионистов оказались дымовой завесой для прорыва фронта социалистических стран силами капитализма.

О стратегических рубежах хорошо напомнил Джеймс Олдридж - чудесный англичанин, у которого не только большой талант, но и светлая голова и чистая совесть. Напомнил не только глубоко верно, но и остроумно. В 51-ю годовщину Октября он писал в «Правде»: «Отвечая противникам социализма, мне хотелось бы сейчас напомнить, за что не боролись участники революции в Октябре 1917 года. Тогда не боролись за расплывчатые идеи абстрактной демократии. Тогда не боролись за то, чтобы позволить Западной Германии играть ту роль в Европе, на которую она претендует сейчас. Тогда не боролись за то, чтобы позволить Форин Оффису насаждать идеи «свободы» и «независимости» так, как он их понимает, в социалистических странах Европы. Тогда не боролись за то, чтобы позволить небольшой элите интеллектуалов считать, что только они имеют исключительное право определять, что является добром и что злом, и насаждать свои идеи в обществе, где они живут. Тогда не боролись за то, чтобы позволить действовать джентльменам вроде Гарольда Вильсона и Алека Дугласа-Хьюма, которые не сказали ни слова осуждения в адрес Соединенных Штатов за войну во Вьетнаме и которые помогают творить грязные дела правителям Родезии. Октябрь не боролся за то, чтобы они могли указывать социалистической стране, что правильно и что неправильно».

«Может быть, уроки Октябрьской революции, совершившейся полвека назад, уже утратили свою значимость?» — спрашивает Олдридж и отвечает: «Разве враг изменился, разве изменилась природа противоречий между социализмом и капитализмом, разве изменилась идеология социализма, разве изменился характер классовой борьбы? Разве принципы, которые определили суть Октябрьской революции потеряли свою ценность? Нет, принципы революции 1917 года остаются неизменными, и они так же жизненно важны сегодня, как и в тот великий день». Какие бы формы ни принимала борьба двух мировых систем — социализма и капитализма, никогда не следует забывать истину, о которой говорил на московском международном Совещании Л. И. Брежнев: «Мирное сосуществование не распространяется на борьбу идеологий, это надо подчеркнуть со всей решительностью».

...Кончаю свое письмо, дорогой мой сосед, товарищ писатель. Еще раз прости, что оно вышло такое длинное. Оно длинное потому, что мне уж очень хотелось побольше рас-

зять тебе, что делается в моем хозяйстве. Историки не космонавты и не хоккеисты — о тех знает весь мир, а вот что делается у историков, не знают даже соседи. К сожалению, это же я могу сказать и о себе. Хочется спросить: что там у тебя, на твоём дворе, происходит? Рассказал бы, что - ли. Большие у нас с тобой дела, и разговор у нас должен быть большой. Ничего не напишешь — соседи!

ЦГТБ имени А. П. Чехова